

РОМАН КОЖУХАРОВ

***ПУЛЯ для
ШТРАФНИКА***

МОСКВА

ИСКУПИТЬ КРОВЬЮ!
ВОЕННЫЕ РОМАНЫ О ШТРАФНИКАХ

РОМАН КОЖУХАРОВ

***ПУЛЯ для
ШТРАФНИКА***

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К58

Художник *Борис Аджиев*

Кожухаров, Роман Романович.

К58 Пуля для штрафника / Роман Кожухаров. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Искупить кровью. Военные романы о штрафниках).

ISBN 978-5-04-217984-6

Холодная весна 1944 года. Рота капитана Аникина ведет тяжелейшие бои, из последних сил удерживая важный плацдарм на берегу Днестра. На них надвигаются озверевшие смертники из 500-го «испытательного» батальона вермахта, которым нечего терять и которые не оставляют позади себя никого живого.

Но для наших бойцов куда страшнее фашистов оказываются слухи, молниеносно разнесшиеся по окопам и блиндажам: в село скрытно прибывает странная команда русских штрафников, вооруженных трофейным немецким оружием. Никто, даже Аникин, не знает, зачем эти люди здесь и на что способны во время боя. Кто они: предатели или герои? Ответа ждать осталось недолго. Главное — дожить до рассвета...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Кожухаров Р.Р., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-217984-6

Глава 1

ФОРСИРОВАТЬ С БОЕМ!

I

Гаубица тяжело ухнула с того берега. Вот первый снаряд, прорастая в жилах и кишках противным, стылым ревом, оборвался гулким разрывом где-то за склоном холма. Тут же заладил второй, третий. Снаряды уходили в перелет, ложась на самой окраине села.

— Повадился, гад, — сплюнув, тоскливо прокомментировал Попов. Никто ему не ответил. И так все знали про эту чертову гаубицу, которая не давала покоя ни днем ни ночью. По данным разведки, на правом берегу, в глубине позиций, километрах в трех выше переправы, располагался целый артдивизион противника. Место заняли идеальное — господствующая высота. Обстреливали немцы методично, по часам. Утром утюжили прибрежную пойму и подступы к реке, а ближе к вечеру принимались за дальнюю дорогу, входившую в село с северо-востока. Снарядов не жалели,

использовали и гаубицы, и легкую артиллерию, но само село во время обстрелов старались не трогать. Кроме одного расчета. Как уже рассчитали в роте, судя по калибру, стрелял один и тот же расчет. Неугомонные оказались, сволочи: то среди бела дня, то в обед начнут палить. И все без разбору, что по позициям, что в село запустят свою смертоносную посылку. До невозможности обозлила всех в роте эта сволочная гаубица.

Очередной стодвадцатимиллиметровый «чемодан» угодил во двор ближней от берега, с правого края, хаты. Камышовую крышу точно ветром снесло. Тут же, разом, сложило взлет от воронки саманные глиняные стены. Точно костяшки домино, упали друг на друга. Заодно силой взрыва вырвало несколько фруктовых деревьев.

— Вот гады, — выругался Зайченко. Увидев результаты попадания, он остановился и выпустил из рук бревно. Попов не удержал его в одиночку и уронил ствол на землю. Следом шли Бондарь с Аникиным. Они налетели на впереди идущих, с ходу шибанув Зайченко на манер тарана. Тот кувырнулся вперед, с матерной руганью покотившись вслед за упавшим бревном.

— Так тебе и надо, недотепа, — выругался Бондарь. — Нечего под ногами путаться.

— Так это... Богдан Николаич... — оправдываясь и отряхиваясь, поднялся Зайченко. — Вы ж

видели, что эти фрицы творят. Прямо по селу лупят, мать их.

— Слышь, Зайченко, — осадил его Аникин, — ты думаешь, один тут такой сердобольный, а остальным наплевать? Лучше умолкни. От истерики твоей толку мало. Лучше деревяшку свою в зубы хватай и бегом тащи к траншее. По ходу, они сейчас на позиции огонь перекинут.

— Так я понимаю, товарищ командир, — не унимался Зайченко, в то же время, уже отряхнувшись и не обращая внимания на матерящегося Попова, ловко подхватив уроненное бревно, — только жалко людей. Там же, в хатах этих, остались только деды древние да молодки несмышленные. А эти гады лупят по ним... У них че, и наводчиков нет?

— Ага, тебе бы только про молодок и думать. Да про таких, чтоб несмышленее были, — мрачно заметил Бондарь. — Когда несмышленные, так оно проще добиться от них чего хошь. Так, Зайченко?

— Да будет вам, Богдан Николаич, — запунцовел Зайченко.

— Давай двигай. Много рассуждаешь. С тобой мы ни черта не успеем. А нам до ночи нужно блиндаж сварганить, — сердито произнес Аникин.

На этот раз Зайченко не стал продолжать и молча потащил бревно с такой скоростью, что Попов едва за ним успевал.

Зайченко скатился в окоп с такой скоростью, как будто за ним гнались все черти ада. Прыгая, он чуть не сбил с ног Попова. Грохнувшись на ящик от снарядов, отирая пот грязным рукавом своей телогрейки, он шумно, с уфами, выдыхал воздух.

— Ты чего, очумел? — разразился бранью Бондарь. — Скачешь как сайгак.

— Че случилось-то? — отозвался Аникин, откладывая в сторону саперную лопатку. Он как раз доделал выступ бруствера.

Зайченко понемногу приводил дыхание в порядок.

— Так это... товарищ командир. Чуть не на-рвался... на этого... — Зайченко все не хватало воздуха. Он мотнул головой и словно ухватил губами нужное слово. — На замполита... мать его... От штаба как раз двигаю, а он — навстречу... А тут как раз гаубицы. Как вдарили!

II

Аникин двинул подбородком влево-вправо, крутанул плечами, разминая шею и плечевые мышцы.

— Ты, Зайченко, ответь мне, какого черта тебя возле штаба носило? Тебя куда посылали?..

Зайченко тут же изобразил виноватую мину.

— Так это, товарищ командир... Я в деревню-то и шел... Обязательно сейчас сгоняю. Пулей... Артиллерия, мать их, смотрите как жарит.

— Врет он все, товарищ старшина, — с завистливой досадой откликнулся Попов. Он не отрывался от своей лопатки, с силой вгрызавшейся в смерзшуюся глину.

— Известно, чего в штаб его понесло, — продолжал Попов, надсадным хрипом сопровождая каждый удар лезвия лопатки в глину. — Нинку ему захотелось увидеть. Да только, Зайченко, зря ты разеваешь роток на этот кусок. От этого куска комбат питается.

Зайченко злым прищуром окинул Попова.

— А это вас, товарищ боец, не касаемо. Так что лучше молчал бы, Попов... а то будет твой роток щас кровью харкать.

— А ну, заткнулись оба! — гаркнул Аникин. — Рядовой Зайченко, быстро лопату в зубы взял и принялся землю грызть. Под блиндаж место готовить. Ясно тебе?

— Так точно, товарищ командир! — по полной форме отчеканил Зайченко и тут же, демонстрируя запредельное усердие, принялся ковырять глину. При этом хитрющая его физиономия не скрывала всяческого самодовольства.

— Там это, товарищ командир... — продолжил Зайченко. — Пригнали команду новую. По-

хоже, что штрафники. Для форсирования, говорят, их готовят. А пока где-то здесь, в селе, размещают.

— Какие еще штрафники? — отмахнулся свободной от бревна рукой Аникин. — Где это ты видел, чтобы штрафных в селе размещали? Никогда такого не бывало.

— Вот-вот, — с готовностью подхватил Зайченко нить разговора. Он сразу смекнул, что новость о штрафниках старшину Аникина заинтересовала.

— Я и сам смотрю, товарищ командир, какие-то эти «шурики» странные, — развивал тему Зайченко. — Вооружение у них — ну чисто парашютно-десантные войска. И почти все — сплошь немецкие трофеи. Даже гранатометы есть... ручные... ну эти, как их... — Зайченко даже высвободил руку, чтобы потереть свой бритый грязный лоб. — Такие, со щитками защитными.

— Панцеры, что ли? — уточнил Попов.

— Ага, точно! — согласился Зайченко. — Они самые — панцерные шреки¹, мать их. И пулеметы у них — тоже немецкие. Осталось только в форму фашистскую переодеть.

— Ну ты, слышь, — одернул его Бондарь, осторожно оглядываясь на командира. — Удумал чего!

¹ П а н ц е р - ш р е к (нем.) — ручной гранатомет, использовался войсками вермахта в годы Второй мировой войны.

Языком поменьше работай, а конечностями побыстрее перебирай.

— А что я сказал, товарищ командир? — заголосил Зайченко. — «Шурики» — они ж и есть изменники родины. Им как раз форму вражескую и надевать.

Короткий хлесткий удар в ухо свалил солдата с ног. Падая, Зайченко выронил бревно из рук, и другой его конец взбрыкнул, откинув Попова в сторону и чуть не свалив того на землю.

III

В момент удара Аникин даже не выпускал свою ношу из левой руки. Все ожидали, что расправа над Зайченко продолжится. Но старшина только мотнул на ходу головой в сторону ползающего по земле и держащегося за ухо Зайченко.

— Подымайся, да поживее! — как ни в чем не бывало произнес Андрей.

— Что тут, что происходит?! — Скрипучий, неприятно резкий голос замполита раздался неожиданно для всех. И сам он вдруг возник из-за солдатских спин. Всегда, черт его дери, падает как снег на голову.

Вот уже сутулая, худюшая фигура замполита нависла над ползающим по брустверу свежерытой траншеи солдатом.

— Аникин, это ваше отделение? Вы мне ответите за ваши действия! — Замполит с ходу перешел на крик. От этого его срывающийся голос делался еще непереносимее. — Рядовой Зайченко, что здесь происходит?

Стоявшие рядом помогли Зайченко подняться. Тот еще не пришел в себя после командирского нокдауна.

— Я же... ничего такого... — виновато и растерянно лепетал Зайченко, держась за покрасневшее и распухшее ухо. — Товарищ лейтенант, так это... бревно... Неудачно...

— Руки у него не оттуда растут, откель требуется, — убедительно пробасил Бондарь. — Споткнулся и кувырнулся наземь, а тут бревнышком его слегка и тюкнуло. Но ничего, до свадьбы заживет. Правда, Зайченко?

В вопросе Бондаря прозвучал такой недвусмысленный угрожающий намек, что Зайченко тут же с готовностью закивал.

— Правда-правда, товарищ замполит. Сплоховал я с бревном.

— Разберемся, что за бревно, — обернувшись к старшине, проговорил лейтенант. Лицо его, точно обтянутое пожухлым пергаментом, стало совсем желтым от злости. — Аникин!

— Слушаю вас, товарищ лейтенант, — с готовностью на грани издевки тут же отозвался Андрей.

Замполит даже не сдерживал расплзшегося по его желтому лицу раздраженно-кислого выражения.

— Командир батальона срочно вызывает вас в штаб. Ни минуты промедления!

— Э, товарищ замполит, сейчас не треба идти, — возразил лейтенанту Бондарь. Разогнув спину, он указал своей ручишей в сторону артобстрела. — Побачьте, шо робыться, — добавил Богдан. — Шас спуск к реке снарядами накроет.

— Отставить разговорчики! — чуть не до визга дойдя, оборвал Бондаря замполит. — Аникин, вы слышали приказ?! Срочно к ротному!

— Есть — к комбату! — без всякого выражения откликнулся Андрей и, козырнув, тут же сорвался с места.

IV

Сопроводительные реплики лейтенанта Шанского или Воблы, как прозвали его ротные остро-слова, Андрей уже не слышал. Слова его потонули в грохоте приближавшихся взрывов. Нагнувшись, придерживая ППШ правой рукой за ствол, Аникин побежал вдоль грунтовой, в грязь превращенной дороги напрямиком к селу. Немцы переносили стрельбу ближе к берегу, и снаряды грозили вот-вот накрыть этот участок низкого, пойменного ската к пологому левому берегу Днестра.

Солдаты побросали свои бревна. Все с нескрываемой тревогой наблюдали, как к постепенно уменьшающейся фигуре их командира отделения приближаются взрывы.

— Чего стали?.. Быстро все за работу. Блиндаж еще не достроен!.. — с места в карьер попытался скомандовать замполит. Но истерически исторгнутый Воблой приказ был так единодушно проигнорирован, что лейтенант, осекшись и захлебнувшись в собственной желчи, молча спрыгнул в окоп, из-за бруствера глянув туда, где наперегонки с немецкой артиллерией соревновался Аникин.

Вот очередной земляной фонтан взметнулся вверх метрах в двадцати от старшины. Тот как подкошенный рухнул и вжался в ложбинку. Надо ж этой ложбинке в нужный миг в нужном месте как раз оказаться! Хотя это со стороны, тем, кому невдомек, могло так показаться, что, мол, это ложбинка старшину нашла. На самом деле Андрея на встречу со спасительной выемкой в днестровской земле толкнули везение и наитие. Укрыла его всего лишь на несколько секунд, пока осколки летели и осыпался град глинистых комьев.

Чутьем, отточенным за сотни проведенных на передовой дней и ночей, угадал долю секунды, когда надо подняться и снова опрометью броситься вперед, по подсказанной тем же солдатским чутьем траектории.